

БЫТЬ МАРКСИСТОМ: КРЕСТ СОВЕТСКОГО ИСТОРИКА*

В противоположность почти метафизическому названию, речь в статье пойдёт о вполне конкретной историографической ситуации и всего о нескольких избранных работах, центральной из которых будет статья А.И. Данилова¹ с критикой структуралистских тенденций в советской исторической науке.² Сейчас, когда прошло сорок лет после публикации этой статьи, можно говорить о том, что она имела архетипическое значение для развития советской историографии послесталинского периода. Конечно, это далеко не единственная статья такого рода, как далеко не единственными были те работы, реакцией на которые она являлась, но в том и заключается её специфика, что за одним конкретным примером можно увидеть как общие тенденции развития самой советской историографии, так и общие трудности в её изучении. Более того, мы намереваемся показать, что в определённом смысле эти темы актуальны именно сейчас и, возможно, только сейчас стали доступными для настоящего исследования. При этом, поскольку речь идёт не просто о ряде работ прошлого времени, но о скандальной ситуации вокруг них в учёном сообществе, мы по возможности постараемся отдалиться от личностной составляющей в анализе этого конфликта, тем самым пойдя несколько вразрез с превалирующей в современной историографии линией на изучение индивидуального начала в науке. Сделано это не из-за неуважения к означенной тенденции, а из сознательного желания ради получения предварительных результатов сосредоточиться на борьбе умов и теорий, которая в реальной жизни редко бывает отделена от борьбы характеров и предрассудков.³

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-3461.2012.6.

Выступление А.И. Данилова было выдержано в строгом и даже резком стиле, характерном для его работ и речей,⁴ поскольку касалось принципиального для него вопроса о чистоте марксистской методологии. Вначале автор указывал, что удар по этой методологии является одной из важнейших задач буржуазных философов и историков, говорящих об устарелости марксизма, хотя и признавал, что нередко это происходит при решении объективно трудных теоретико-методологических вопросов. Это проявляется в том, что отдельные частные методы, позволяющие решить некоторые сложности, возводятся буржуазными историками в абсолют, заменяя собой настоящую методологию, отчего появляется иллюзия решения проблемы.⁵

Этого, говорится далее, не учёл ряд советских историков, увлекшись структурализмом и переоценив его значение для исторического знания. Произошло это из-за методологической слабости: «Для отдельных советских историков характерна немалая путаница в толковании исторических понятий».⁶ Они широко открыли двери новым терминам, недостаточно их обосновав, да и предлагаемые ими новые классификации мало связаны с марксистско-ленинской терминологией в наличном, так сказать, виде. Применённый советскими историками в таком виде структурализм никак не соотносится и с марксизмом вообще,⁷ а кроме того, мало полезен в работе с историческими фактами, относясь скорее к сфере поверхностного теоретизирования. «Конечно, историческое исследование – всегда научный поиск, но он может привести к новым достоверным выводам и концепциям только тогда, когда опирается на глубокое изучение фактического материала, не подменяет объективные связи исторических явлений надуманными».⁸

В итоге внедрение структурализма в марксизм приводит к стиранию основы всего исторического анализа: понятия общественно-экономической формации. «Отказ от понятия «общественно-экономическая формация» – этой фундаментальной категории материалистического понимания истории – неминуемо ведёт к утрате исторической наукой прочной научной базы, к хаосу и произволу в учении об обществе и законах его развития. Творческое применение диалектико-материалистического метода к исследованию общественных явлений, объективный анализ

истории человечества – важнейшее условие дальнейшего развития советской исторической науки». ⁹ Этими словами завершается статья.

И эта статья, предварённая докладом на всесоюзном совещании по историографии, пролегла принципиальной гранью в оценке научного творчества как её автора, так и многих, кто был с ней связан. Когда совершаются действительно примечательные события, их участники это чувствуют. Е.В. Гутнова в воспоминаниях сообщает, что пыталась отговорить Данилова опубликовать статью в «Коммунисте» (органе партийной печати, с трибуны которого критика коллег будет воспринята как выступление от лица власти), но Данилов принял решение. «Всё это оставило память о нём как о душителе и гонителе свободной исторической науки...».¹⁰

Поскольку основным критикуемым Даниловым историком был А.Я. Гуревич (вместе с ним М.А. Барг, Е.М. Штаерман, Л.В. Данилова¹¹), последний позаботился, чтобы плохая слава о Данилове не забылась и много лет спустя. В ряде своих воспоминаний Гуревич с неслучайным постоянством возвращался к образу Данилова, в основном повторяя одни и те же соображения, но постепенно дополняя их рядом характерных штрихов. Для Гуревича Данилов: хорошо подготовленный историограф,¹² который постепенно отделился от конкретного материала, выбрав себе роль прокурора западной (да и отечественной) науки¹³ и ставший из учёного карьеристом. Именно желанием «сделать себе имя» на разгроме «структуралистов в лагере советской науки» и расчётом на какую-то сложную комбинацию, которая позволит ему попасть на пост директора Института Всеобщей Истории Академии Наук СССР объясняет Гуревич выступление Данилова.¹⁴

Попытки ряда историков (в основном учеников А.И. Данилова) указать на то, что объяснения Гуревича не согласуются ни с характером Данилова, ни с его действительной ролью в отечественной историографии,¹⁵ до сегодняшнего дня не изменили общей трактовки.

Мы предлагаем оценить специфику и роль этой статьи, вернувшись от личностей к текстам. Выступление Данилова против «структуралистов» должно быть рассмотрено в контексте методологических исканий советской науки 50-60-х гг., работ самого Данилова и тех авторов, которых он подверг критике.

Вначале постараемся понять, какой же именно поворот в рассмотрении теоретических вопросов исторической науки произошёл в 60-е гг., если он вызвал столь однозначную реакцию Данилова. Это выглядит тем более интересным, что он сам стоял у истоков этого поворота. Данилов, действительно, был одним из первых, если не первым историком исторической науки послевоенного периода, который в своих трудах стал тесно увязывать вопросы методологии и методики исторического труда с критикой конкретных аспектов анализируемой концепции. Ниже мы постараемся кратко проиллюстрировать качество работы Данилова с концепциями других историков: это была многоуровневая, последовательная и в общем очень въедливая критика. Кроме того, именно Данилов в начале 60-х написал письмо в редакцию «Вопросов истории», в котором открыто формулировал необходимость избавления советской исторической науки от элементов догматизма и насущность тщательного обсуждения вопросов марксистско-ленинской теории, предостерегая, кстати, и от опасности дилетантизма на этом пути.¹⁶ Примечательно и то, что в письме не было сказано ни слова о том, в каком направлении должны решаться поставленные вопросы: иными словами, это был не указ действовать в определённом направлении, а призыв к совместному поиску «верных» основ методологии, который по определению невозможен без некоторой свободы.

Призыв этот не мог не быть услышан, поскольку отражал известное состояние умов. Хотя недавно прошла первая (после аксиоматически принятой «революции рабов») дискуссия о причинах перехода от древности к средневековью и только начиналась вторая (после 20-30-х) дискуссия об «азиатском способе производства», уже было ясно, что споры по конкретным сложным проблемам рано или поздно приводят к вопросу о неувязках в базовой теории. Беда, точнее, была в том, что эта теория, проистекавшая в общем и целом из «Краткого курса истории ВКП (б)», казалась теперь слишком ригидной и неприспособленной для объяснения всего многообразия исторических фактов за пределами школьного уровня. В то же время выработались определённые правила пользования этой теорией, соблюдение которых считалось залогом научности работы советского историка: это обязательное руководство основами теории при любого уровня

работе (выражавшееся в неофициальной обязательности цитирования классиков марксизма-ленинизма); использование проверенной и в той или иной мере санкционированной всей системой (как образования и науки, так и власти) терминологии;¹⁷ обязательное критическое отношение к любой внешней (по отношению к собственной) методологии.

Это были, по сути, определённые стилистические и смысловые правила игры, которые необходимо учитывать, обращаясь к анализу нашего материала. Нужно только оговориться, что если сейчас эти обязательные правила не могут восприниматься иначе, чем надевание шор на глаза историков, не способствующее научности, а подрывающее её, тогда их восприятие было существенно иным: советские историки 50-60-х гг. XX в. были воспитаны в этих нормах, а потому, даже если чувствовали их ограничительный характер, воспринимали его как нечто само собой разумеющееся. Выход из марксистской свободы научного творчества к свободе как таковой был постепенным и неоднозначным.

Ко второй половине 60-х годов, когда дискуссии в советской науке, едва закипев, одновременно начали постепенно и сворачиваться, движение за обновление теоретических основ исторической науки набрало свою силу. Многие из участников этого процесса дискутировали в семинаре по переходным эпохам при Институте Всеобщей Истории (А.Я. Гуревич стоял в стороне, что подчеркнуто в его мемуарах). Нет никаких сомнений, что каждый из историков, обращавшийся к проблемам методологии науки, искал одновременно ответов и в своей специальной области, а потому работы, выходявшие из-под их пера, выражали разные оттенки этих поисков, но всё же были и сходные черты.

Проследим, какие идеи и каким образом формулировались и развивались в этих работах.

О возможностях применения метода структурного анализа в марксистской методологии писал ещё в 1964 г. М.А. Барг,¹⁸ но это был, что называется, только первый шаг. В 1965 г. появляются статьи, раскрывающие возможности решения абстрактных и сложных проблем исторического знания, исходя из обновлённых методологических принципов: «О повторяемости в истории» Е.М. Штаерман и «Общий закон и конкретная закономерность в истории» А.Я. Гуревича.¹⁹

Статья Е.М. Штаерман открывается подробным анализом ряда современных западных работ по философии истории (начиная с «Социально-культурной динамики» П.А. Сорокина), через который исследовательница выходит на проблему циклизма и модернизации истории, а через них и на проблему применимости метода аналогии. По мнению Штаерман, циклизм (всё яснее проявляющийся в буржуазной науке) отрицает прогресс,²⁰ а в марксизме развитие мыслится идущим по спирали (развитие с отдельными элементами циклизма). Следовательно, аналогии в историческом исследовании допустимы (тем более, что они есть у классиков марксизма), но должны быть корректными. Они могут быть такими, если возникают при сопоставлении соответствующих элементов двух суперсистем; «суперсистемой» может быть и «общественно-экономическая формация». «Произвольность в сопоставлениях явлений, процессов, очевидно, недопустима, но сопоставления эти возможны при идентичности элементов и структур систем, а также при идентичности их генетических связей».²¹ Кроме того, Е.М. Штаерман постаралась выделить и виды таких сопоставлений.²²

Статья А.Я. Гуревича (как и все его статьи по исторической теории 60-х гг.) отличается большей, нежели у Штаерман, теоретичностью. В общем и целом она направлена против попыток нивелировать специфику исторического развития, подменяя отдельные проблемы общесоциологическими ответами марксистской теории, против «неправомерного оперирования абстрактными схемами, употребляемыми в качестве универсальных отмычек, при помощи которых мистифицируется ход истории»²³. Довольно тонко (кстати, со ссылкой на Данилова²⁴) защитившись цитатами из Маркса и Энгельса, Гуревич проводит различие между объективностью природных и социальных законов: социальная закономерность формируется самими индивидами, а потому неразрывно связана с их деятельностью. Следовательно, «в той или иной степени человеческая деятельность автономна», самодетерминирована, и это касается «в известной мере» и духовной жизни.²⁵ И хотя в общем и целом в статье подтверждается, что случайность не нарушает закономерности как таковой, но о вариативности исторического процесса в ней сказано тоже вполне достаточно для читателей того времени; кроме того, мелькает и в общем немарксистская (в советском понимании) трактовка

сущности понятий: «объяснение всегда есть логическая конструкция»,²⁶ и потому оно избирательно, не включает в теорию всего жизненного разнообразия.²⁷

Эти статьи – этап расширительного толкования новых методологических трактовок, попытка посмотреть, как они проявляют себя при отдельных проблемах познания. В 1967-1968 гг. появляются работы, пытающиеся формировать некоторое общее методологическое поле.

Важную переходную роль в этом сыграла работа К.К. Зельина «Принципы морфологической классификации форм зависимости» (1967).²⁸ Внешне сосредоточенная на частной проблеме классификации форм зависимости в докапиталистических формациях, эта солидная статья затрагивает куда более глубинные теоретические пласты. В ней есть не только отсылка к иностранной литературе (как у Штаерман и Гуревича), но и к достижениям биологии (что немного напоминает О. Конта с его «социальной физикой»), присутствует, как и у Гуревича (только выраженное более ясно и глубже аргументированное), недоверие к предельным абстракциям («высшим таксономическим категориям»²⁹), есть, конечно, и постоянные отсылки к работам «классиков», отличающиеся особой продуманностью³⁰ и аккуратностью трактовок – сообразно сложности поставленной автором задачи. Присутствует, во второй части статьи, попытка построения собственной «классификации», то есть, теоретической структуры.³¹ Кроме того, появляется критика раннего этапа собственной базовой методологии (а именно советской науки об античности 30-40-х гг.),³² а главное, идея, что докапиталистические общества нуждаются в частном варианте марксистской теории.³³ Обращая внимание на неоднозначность положения раба в древности, Зельин делает этот частный вариант, по крайней мере в некоторых аспектах, очень близким выдвигавшимся западной наукой идеям.³⁴

Конечно, автор позаботился, чтобы частный вариант теории не выглядел совсем уж особенно: он оговаривает, что не следует полагать, будто в докапиталистических обществах экономика значила меньше, чем политика и религия; различие лишь в том, что воздействие экономических факторов, в отличие от капиталистического общества, проявляется здесь не напрямую, а опосредованно, особенно через юридические категории.³⁵ Форма собственности

задаёт общие параметры, возможности функционирования того или иного социального элемента, которые могут реализовываться в различных версиях... так истории возвращается вариативность³⁶.

Наконец, в 1968 г. появляются работы, в которых основные тенденции поисков советских историков приобретают вполне отчётливые формы. Обратимся к статьям Е.М. Штаерман «К проблеме структурного анализа в истории» и А.Я. Гуревича «К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад»,³⁷ очевидно апеллирующим и к уже имеющемуся контексту обсуждения («к проблеме...», «к дискуссии...»), и гораздо смелее развивающим прежнюю проблематику.

Е.М. Штаерман фактически и начинает с того, что «в докапиталистических обществах экономика ещё не выделилась в самостоятельную сферу».³⁸ Возможность применения структурного анализа подтверждается и ссылкой на французского марксиста М. Годелье, для защиты от мнения, «будто применение структурного анализа непременно ведёт к плюрализму и, следовательно, несовместимо с марксизмом-ленинизмом».³⁹ Использование понятий «система» и «структура» (конечно, с признанием ведущей роли экономического начала⁴⁰) позволяет указать на различные варианты комбинаций двух видов социальных связей: индивидуалистических и коллективистических.⁴¹ Кроме того, Штаерман демонстрирует и возможности применения этих наработок при анализе ряда проблем античного общества.

Несколько ранее опубликованная статья Гуревича может считаться примером наиболее ясного выражения тенденций использования структуралистского метода. По мнению автора, понятие общественно-экономической формации является лишь абстракцией высшего уровня,⁴² которая по определению не может выполнять настоящих целей исторического познания⁴³ – рассмотрения обществ во всей их полноте и конкретности. Маркс наметил лишь общую последовательность смены формаций,⁴⁴ но реальность исторических изменений не имеет ничего общего с представленной логической цепочкой. Прежде всего, докапиталистические общества характеризуются принципиальной многоукладностью (а не только в момент перехода от одной формации к другой),⁴⁵ сочетание укладов может быть различным, притом что никогда какой-либо один уклад не подавлял все другие.⁴⁶ Кроме того,

общества взаимодействуют и оказывают влияние на развитие соседей, потому нельзя полагать, будто новые формации (например, феодализм) вызревают только изнутри самих обществ.⁴⁷ Получается, обществам докапиталистической эпохи не был свойственен унифицированный прогресс (как в эпоху капитализма⁴⁸), но это не означает, что варианты этого прогресса невозможно классифицировать: можно выделить варианты различий, построенных на личных и вещных отношениях, выделить уклады динамические и более традиционные, первичного (сразу вышедшего из первобытности) и вторичного порядка, автохтонные и привнесённые извне.⁴⁹ Всё это, конечно, уже не может быть сведено к одним экономическим категориям (это было бы модифицирование по образцу капиталистического общества),⁵⁰ и не может быть сведено к универсальной теоретической модели, а требует построения полной типологии разнообразных «социально-культурных моделей».⁵¹

Наконец, в 1968 г. выходит объёмный сборник «Проблемы истории докапиталистических обществ», в котором подробно рассмотрены спорные моменты марксистского понимания первобытной и древней истории. И хотя авторы сборника часто полемизировали друг с другом по отдельным исследовательским вопросам, общая тенденция сводилась к желанию фактически обновить марксизм.⁵²

Основная идейная тенденция, кажется, видна вполне отчетливо уже при анализе этих избранных работ. Попытки решить некоторые специфические проблемы советской исторической науки, очень абстрактные, в значительной мере оторванные от исторического материала, связанные с понятным желанием оспорить и устранить (или хотя бы корректировать) некоторые одиозно типиковые стереотипы прежней теории (вроде мнения о союзе варваров и угнетённых слоёв Римской империи или представлений о неквалифицированном характере и дешёвизне рабского труда), привели исследователей к необходимости поставить куда более сложные и смелые методологические вопросы. Сам набор базовых понятий марксистской теории (особенно в варианте её советской ортодоксии) оказался недостаточным и неподходящим для решения этих вопросов. Структуралистские методы, тем временем, предлагали, отталкиваясь от марксистского базиса, найти разнообразные модификации этой теории, сделав её, тем самым, и более открытой для обсуждения (а значит, и скепсиса), и более

«уступчивой» давлению конкретного исторического материала. Что касается А.Я. Гуревича, то он вовсе прошёл «точку невозврата», заявив, что базовые понятия марксизма – лишь сугубые абстракции, логические конструкции... то есть, в этот момент оказался гораздо ближе к Веберу, чем к Марксу.

Всё это увидел А.И. Данилов. Если его выступление и было продиктовано личными интересами, то оно в любом случае не было обвинением в вымышленных «грехах».⁵³ Попробуем, однако, показать это путём анализа его собственной историографической деятельности.

Мы уже говорили выше, что нынешнее отношение к Данилову как историографу во многом восходит именно к точке зрения Гуревича и сравнительно мало оспорено её противниками. В частности, ранняя статья Данилова о Д.М. Петрушевском⁵⁴ считается примером нетерпимости и даже мракобесия⁵⁵ со стороны Данилова.⁵⁶ Утверждая, что Данилов осудил покойного Петрушевского (учителя А.И. Неусыхина, который был наставником самого Данилова) в стиле речей прокурора Вышинского,⁵⁷ Гуревич тем самым проводит сплошную линию травли учёных в советской медиэвистике от начала 50-х до конца 60-х гг., и тогда фигура Данилова предстаёт в самом зловещем свете.⁵⁸ При этом, конечно, роль Данилова в том, что вообще начались те дискуссии, которые в итоге и придут к «структурализму», просто забывается.

Но нам важно обратиться к этой ранней статье Данилова не только потому, что она позволит объективнее взглянуть на его путь в историографии, но и потому, что поможет увидеть его принципы работы, основные устремления, развивая которые он, в итоге, пришёл к совсем иной точке зрения, чем те историки, против кого он выступил в 1968-1969 гг.

Вначале укажем на то, что перед нами весьма объёмная и обстоятельная статья. В ней, конечно, вдоволь риторики, свойственной советским учёным 30-40-х гг., с её унижающим оппонента, запелляционным и часто истеричным критицизмом, который, кстати говоря, заслуживает отдельного логического и стилистического анализа.⁵⁹ Общая идея статьи, конечно, тоже вполне прозрачна и даже банальна: до 1917 г. Д.М. Петрушевский (как и все русские буржуазные учёные) играл известную прогрессивную роль, избегая некоторых ошибок и заблуждений западной историографии,

выказывая известное сочувствие идеям исторического материализма,⁶⁰ проявляя эти положительные черты и в своих исторических трудах; после революций (сначала 1905 г., потом 1917 г.) он начинает отходить на крайне реакционные позиции, преклоняясь перед имеющими тенденцию к откровенной ненаучности западными историческими теориями,⁶¹ и хотя работы его остаются на высоком уровне обработки материала, они теряют оригинальность и своё положительное значение для прогрессивной советской науки.⁶² «Именно поэтому Петрушевский мельчает как учёный».⁶³

Но только к риторике и рамочной идее работа Данилова отнюдь не сводится. Прежде всего, перед нами последовательное рассмотрение научного творчества Д.М. Петрушевского по периодам, с ясно выраженной точкой зрения на их сущность (насколько корректной – другой вопрос), с тщательным анализом его теоретико-методологических взглядов, в котором, предваряя критику, Данилов обильно цитирует самого Д.М. Петрушевского. Прослежено и аргументированно показано влияние А. Допша на теоретические идеи Петрушевского.⁶⁴ В плане характеристики конкретно-исторических трудов великого русского медиевиста сказано очень немного положительного, но все эти высказывания признают целостность взглядов автора и высокий уровень его работы.⁶⁵ Наконец, отвергнуты прежние взгляды советской историографии на близость Петрушевского марксизму в какой бы то ни было форме: по мнению Данилова, методологическая грань между воззрениями Петрушевского и марксизмом принципиальная.⁶⁶

Всё это – очень важно для того, чтобы теперь вернуться к 1969 г. Мы можем увидеть, что в подходе Данилова уже в 50-е гг. проявляются многие из тех черт, которые составят особенности статей советских историков по методологии десятилетия спустя. Здесь есть противостояние прежнему этапу развития советской науки, желание корректировать или даже полностью оспорить его стереотипы, есть обращение к западному («буржуазному») опыту,⁶⁷ его тщательный анализ через знакомство «из первых рук», уяснение и подчёркивание ценности марксистской теории через сравнение с этим опытом, и главное – особенное, преимущественное внимание к методологическим вопросам, готовность их обсуждать и признание необходимости вначале ясно изложить теорию исторического знания, и только потом дать её критику.

Но есть и существенное отличие. Для А.И. Данилова недопустимо и невозможно представить смешение марксизма-ленинизма с любой другой теорией, даже в минимальном объёме. Это хорошо видно в статье о марксистско-ленинской теории отражения и исторической науке. Сравнивая марксизм с буржуазными теориями, можно дать их лучшую критику, можно отчётливее понять превосходство марксизма, но нельзя дополнить марксизм из этих теорий: в нём уже есть всё, что необходимо. Конечно, А.И. Данилов искренне в это верил, а потому чувствовал себя, вероятно, особенно раздосадованным тем направлением, в котором пошли искания некоторых его коллег: они взяли те же принципы работы, которые применил он, но использовали их в совершенно другом направлении. Это выглядело неожиданной и неприятной пародией на его собственные искания.⁶⁸ Данилов очень хорошо чувствовал, где проходит принципиальная грань между разными уровнями теоретической мысли и теоретического противостояния (незаменимая черта для историка исторической науки): недаром у него во многих работах итоговым противником марксизма оказывается неокантианство (особенно в его веберрианской ипостаси). И в 1968 г. он увидел, как советские историки (марксисты по определению) начинают уже не только говорить языком структурализма, но и подразумевать неокантианские представления о мире и процессе его познания.

Вернёмся ещё раз к статье о методологии исторической науки, но рассмотрим её более внимательно, вместе с её ранним воплощением. Дело в том, что статья в «Коммунисте» была изменённым вариантом другой, менее читаемой, опубликованной в томском научном журнале.⁶⁹ Первоначальная статья была заметно объёмнее (примерно 65300 против 45500 знаков), и отличалась присущей лучшим работам Данилова строгой последовательностью в рассмотрении методологических вопросов, подтверждаемых обильными примерами из критикуемых работ. Сокращая и частично перерабатывая статью для неисторического журнала Данилов, судя по всему, не хотел поступиться ни основным набором методологических претензий, ни их аргументацией, а потому был вынужден пойти по единственно возможному в таком случае пути: пожертвовать некоторым количеством примеров и высказывать критические замечания более сжато. Первое сказалось в том, что структура переработанной статьи стала менее чёткой и,

пожалуй, убедительной, второе – в резком звучании претензий. Сознательно или нет это сделал Данилов, но вторая статья полностью затмила первую, и все недостатки переработки рассматривались как изначальные и истинные устремления автора.

Но наша задача как раз заключается в том, чтобы увидеть эти истинные цели. Как Данилов оценил работы своих коллег? Он подчёркивал, что совершенствование логического аппарата науки и желание открыть новые грани в толковании надстроечных явлений (т.е., прежде всего, культуры, религии, политики) являются насущными задачами истории,⁷⁰ но их решение в названных работах осуществляется не лучшим путём. Авторы противопоставляют прежним достижениям советской историографии, но взамен предлагают читателю, в качестве панацеи (а именно связки между методологией и конкретной исследовательской работой⁷¹), метод структурного анализа, усвоенный ими некритически. Новая терминология «не столько аргументируется, сколько постулируется».⁷² Авторы как бы играют то с одним набором терминов, то с другим, получая иногда интересные результаты, но сама эта игра обнаруживает те же схематизм и формализм, против которых они выступают.⁷³ И главное: категории структурного анализа совсем не самодовлеющие, за ними всегда стоит субъективистская гносеология;⁷⁴ авторы, оперируя ссылками на основоположников марксизма, понятых ими поверхностно,⁷⁵ формулируют уже не просто методику, а целую методологию,⁷⁶ которая, однако, при всей идейно-методологической нечёткости их взглядов,⁷⁷ ведёт к обесцениванию понятия общественно-экономической формации⁷⁸ и в итоге к полному теоретическому хаосу. Достаточно признать, что в докапиталистических обществах экономика не играла базовой роли – и вы откажетесь от марксизма как такового.

И здесь, в принципиальных аспектах, против выводов Данилова возразить что-либо трудно. Он верно подметил и схематизм рассуждений (оспаривая одни абстракции, историки всего лишь манипулировали абстракциями более низкого уровня),⁷⁹ и нечёткость взглядов (согласование с марксизмом было «шито белыми нитками»), и по сути дела, сказал о том главном, что за всем этим стояло: о сомнении в «ортодоксальном», утвердившемся в советской науке, варианте марксистской теории. Что самое интересное, с этой точкой зрения на искания 60-х гг. был согласен и А.Я. Гуревич: в своих

воспоминаниях он признаёт, что те дискуссии были насквозь догматичными, и что его собственные работы нужно воспринимать только как этап становления его теоретических взглядов.⁸⁰

Теперь позволим себе сказать о самом главном: значении этого выступления А.И. Данилова, как в непосредственной, так и в отдалённой перспективе. Нам кажется, что рассказывать историю исторической науки в СССР как поэму о борьбе «рыцарей» и «злодеев» является самым непродуктивным подходом – это значит увлечься очень неприятными и опасными играми смыслов, коль скоро речь идёт не о человеческих подлости и благородстве (они – отдельная проблема), а о противостоянии идей. Тут очень легко менять оценки: живя в постсоветской эпохе, мы не можем не сочувствовать Гуревичу, который пытается найти возможность свободы мысли; но для эпохи советской он – предатель, протаскивающий под видом марксизма чуждые идеи. Кто рыцарь в сияющих доспехах, а кто змей, пронзённый копьём, – это дело ценностной системы, наличествующей в нашем сознании.

Но можно подойти к проблеме и по-другому. Во-первых, перед нами совсем не история противостояния А.Я. Гуревича и А.И. Данилова, поскольку Данилов выступал не против одного человека, а против тенденции во взглядах ряда советских историков, и реакция Е.М. Штаерман, М.А. Барга, Ю.Л. Бессмертного на это оппонирование была несколько иной, по крайней мере, если судить по их последующим работам.

Во-вторых, статья Данилова, как мы пытались показать, хотя и напугала всех её адресатов (и мы не можем быть уверены, что Данилов не рассчитывал и на такой эффект),⁸¹ в сущности, была справедливой. Опять же, это признаёт (как всегда, смещая акценты) и сам Гуревич: «Я ознакомился с этим текстом, и первоначально моя позиция была довольно индифферентной. Ну, хорошо, он меня и других коллег изругал, ну и Бог с ним. Что же с ним спорить! Он обвиняет меня в том, что я не марксист, а я буду доказывать, что я не рыжий, что я марксист?»⁸² Но ранее, в тех же воспоминаниях, Гуревич утверждал, что после XX съезда появились две линии пересмотра теоретических основ науки: возвращения к подлинным Марксу, Энгельсу, Ленину, и – поиска новых теоретических основ, с отказом от марксистско-ленинского наследия («выраженная в приемлемых для печати формах»)⁸³

На наш взгляд, вторая линия вначале себя не осознавала и существовала в русле первой: так, Гуревич в 1969 г., прочитав статью Данилова, даже не сомневался, что марксист и не рыжий. Искать что-то новое, оперируя внутри обязательной традиции и терминологии, было в норме вещей, и приспособление к правилам игры было обычным делом, отличались только его формы.⁸⁴ Изымать кого-то из этого общего приспособления и поднимать над другими – некрасиво и некорректно, а главное, искажает картину событий. Это именно Данилов указал на возможность появления второй тенденции в попытках теоретического обновления советской историографии 50-60-х гг. «Либо марксизм – либо структурализм (и далее неокантианство)» – вот к чему можно свести его статью (и он полагал, вероятно, что, осознав это *tertium non datur*, «согрешившие» убоятся второго пути). Гуревич же (возможно, незаметно для себя самого) предлагал в 1968 г. отнестись к марксистской методологии как к фактору веры – принять все термины *a priori*, но насытить их новым содержанием. Выделение докапиталистических эпох в особую графу – это было растаскивание марксизма по частям, по крайней мере, в перспективе, допущение структуралистской методологии – тоже. Можно было закрывать на это глаза (в том числе и собственные), делая вид, что это несерьёзно, но Данилов поставил этому предел: после его выступления такой вариант трансформации методологии стал невозможным.

Кстати говоря, советские историки в большинстве своём были, конечно, не на стороне «структуралистов»: новое казалось подозрительным, а кроме того, оставалось сильное желание быть «правильным» марксистом. Это значило, что ты должен был разделять основные трактовки и, главное, словесные штампы советской философии истории, неважно, искренне или нет ты это делал. И вообще, быть марксистом можно было только соответствуя правилам. Если ты от них отступал, тебя одёргивали. Оригинальность в восприятии теории не поощрялась. Этот крест нужно было нести. Полагалось, что он даёт взамен надежду на объективность познания и некоторую согласованность результатов исследования с коллегами.

И после выступления Данилова (без различия, играл ли здесь роль страх перед режимом или привычка к подчинению вышестоящим указаниям) могло быть только два варианта выхода: задавить в себе неправильный порыв (это мы теперь не знаем истины, а в

60-е слово «правильный» всерьёз употреблялось в лексиконе советских учёных) и постараться соответствовать стандарту, либо отвергнуть стандарт как таковой, осознать его исчерпанность и ограниченность. Первое могло быть реализовано во внешних, по сути ритуальных формах подчинения – перестать писать на тему теории, уйти в конкретику материала – так, например, поступила Е.М. Штаерман, вновь заговорившая о теории только в 80-х гг.; второе – только в форме внутренней оппозиции, проявляющей себя из-за частого цитирования классиков в необычной трактовке материала – так в итоге поступил Гуревич. Но важно и то, что стиль Гуревича, с его интересом к частным аспектам, выводящим на теорию, и в итоговом безразличии к «голой теории» сформировался именно после удара, нанесённого Даниловым. Отход от «марксистской ортодоксии» осознал и реализовал себя не сам по себе, а именно после того, как был отвергнут «ортодоксальным» вариантом.

Что касается даниловской критики, то у неё был только один изъян: за ортодоксию следовало платить инертностью. Данилов признавал за советской историографией только проблемы роста.⁸⁵ Если историограф ещё мог исповедовать тезис об абсолютном совершенстве марксистской методологии (что позволяло меньше смотреть на себя, разбирая других), то историк, наталкиваясь в повседневной работе на неразрешимые с точки зрения этой методологии проблемы, неизбежно чувствовал себя ограниченным, если заранее отвергал новые методики. Скептицизм в отношении новой терминологии (и вообще всего слишком нового), осторожность в трактовке теоретических проблем – всё это, рисуемое Даниловым в положительных красках, было образом советской исторической науки. Это не была реальность, поскольку советская наука в течение нескольких десятилетий буквально металась от одних трактовок к другим и всегда меняла оценки в зависимости от требований власть предержащих, но это был тот образ строго выдержанной и неизменной в своих основах методологии, который эта наука, словно в пику своему реальному положению, себе создавала, и который обладал вполне реальным воздействием на умы историков. Всё, что противоречило этому образу, воспринималось, можно сказать, как потенциальный немарксизм, неважно, насколько при этом высказанная мысль вписывалась в труды «классиков». Но беда была в том, что ложе «ортодоксаль-

ного марксизма» теперь, под знаменем возврата к «чистому учению» и отторжения вариаций сталинской поры, становилось совсем узким и коротким. Целиком втиснуться в него без мучений могли только очень незначительные фигуры.

И последний момент, который должен вывести нас через 60-е гг. к современности. Казалось, сейчас всё это дела прошедшие, актуальные лишь в той мере, в какой актуально прошлое само по себе. Это не так, потому что, как нам представляется, понято слишком мало для того, чтобы освободиться от этого прошлого. Наша историческая наука живёт в иллюзии избавления от «советского марксизма» (или марксизма-ленинизма, того самого как бы не совсем марксизма), и потому полагает, что в некотором смысле начала свой путь с чистого листа. Но это заблуждение, ведь двусмысленности и потаённые сомнения, которые жили в сознании людей советской эпохи, преобразовавшись под давлением новых обстоятельств, остаются фактом нынешней науки. Более того, мы пошли по пути 60-х, наложив на марксизм (уже не в виде теории, а в виде факта сознания) всё, что угодно, и теперь находимся в состоянии того методологического хаоса, о котором писал Данилов. Это признавал и Гуревич,⁸⁶ и это хорошо видно в по-прежнему великом весе трансформированного советского марксизма, иногда уже утратившего любую стройность, но ещё кажущегося многим надёжным убежищем.

Главными героями были не Данилов и не Гуревич, а то большинство советских историков, за умы которых шла борьба, проигранная обоими протагонистами.

¹ Подробнее о нём см. Гутнова Е.В., Могильницкий Б.Г., Мильская Л.Т., Смоленский Н.И. Творческий путь академика АПН А.И. Данилова (1916-1980) // Средние века. Вып. 46. М., 1983. С. 248-269; Могильницкий Б.Г. Научно-педагогическая деятельность А.И. Данилова // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1982. Вып. 15. С. 3-20; Могильницкий Б.Г., Мильская Л.Т., Смоленский Н.И. Александр Иванович Данилов (1916-1980) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века. М., 2004. С. 361-386.

² Данилов А.И. К вопросу о методологии исторической науки // Коммунист. 1969. № 5. С. 68-81.

³ В общем и целом пафос нашей работы совпадает с теми идеями, которые выразил В. Рыжковский, обращаясь к выявлению подтекста и контекста советской медиевистики. Научно продуктивным представляется и предложенный им метод; обсуждать его достоинства и недостатки здесь неуместно. См. Рыжковский В. Советская медиевистика and beyond (к истории одной дискуссии) // НЛЮ. 2009. № 97. С. 58-89.

⁴ См. Могильницкий Б.Г. Научно-педагогическая деятельность А.И. Данилова. С. 3.

⁵ Данилов А.И. К вопросу о методологии исторической науки. С. 68-70.

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Там же. С. 74 и сл.

⁸ Там же. С. 79.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 345.

¹¹ Последняя фамилия заставляет усомниться в справедливости слов Н.Е. Копосова, будто объектом нападения Данилова были исключительно учёные еврейской национальности. Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 199.

¹² Одна из немногих лестных характеристик Данилова Гуревичем: «человек начитанный и образованный, понимающий, что к чему». Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 154.

¹³ Он же. «Путь прямой, как Невский проспект», или Исповедь историка // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 464, 466. Гораздо грубее и заострённое та же точка зрения: «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» (последнее интервью А.Я. Гуревича, 11 июня 2006 года) // НЛЮ. № 81 (2006). С. 185 и сл.

¹⁴ Он же. Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. С. 780-781.

¹⁵ Могильницкий Б.Г., Мильская Л.Т., Смоленский Н.И. Александр Иванович Данилов (1916-1980) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века. С. 362 и сл.; Мильская Л.Т. Воспоминания Е.В. Гутновой и их достоверность // Средние века. М., 2002. Вып. 63. С. 398.

¹⁶ Данилов А.И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории. 1961. № 3. С. 216-217.

¹⁷ Прежде всего, это были «формация», «уклад», «революция». Предполагалось и то, что термины эти имеют в общем однозначную трактовку.

¹⁸ Барг М.А. Структурный анализ в историческом исследовании // Вопросы философии. 1964. № 10. С. 83-92.

¹⁹ Штаерман Е.М. О повторяемости в истории // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 3-20; Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 14-30.

²⁰ Точнее: «Циклизм, по существу, отрицает прогресс, если не в технике, то в социальных отношениях». Штаерман Е.М. О повторяемости в истории. С. 8.

²¹ Там же. С. 17.

²² Там же. С. 19.

²³ Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории. С. 30.

²⁴ Данилов А.И. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука // Средние века. Вып. 24. М., 1963. С. 3-23. В этой статье признавалась, кстати, известная ценность знаний, приобретённых буржуазной историографией и после возникновения марксизма (С. 6).

²⁵ Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории. С. 18. Оговорки вроде «в известной мере», понятно, меньше всего остаются в сознании читателей.

²⁶ Там же. С. 27.

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ Зельин К.К. Принципы морфологической классификации форм зависимости // Вестник древней истории. 1967. № 2. С. 7-31.

²⁹ Там же. С. 8.

³⁰ Кажется, всё это – ради одной смелой интерпретации почти случайного высказывания Маркса. Там же. С. 13 и сл.

³¹ Там же. С. 23 и сл.

³² Там же. С. 8, прим. 4; С. 14. Добавим, однако, что К.К. Зельин достаточно критически относился к «перекосам» этой методологии уже в период её складывания в 30-е гг.

³³ Там же. С. 10.

³⁴ Если тезис о несовпадении классов и сословий в докапиталистических обществах развивает начальные положения самого марксизма, то слова о том, что в этих обществах «существовала целая лестница различных общественных положений» сразу же ассоциируются со «спектром статусов», как его понимали У.Л. Вестерман и М. Финли. Там же. С. 14.

³⁵ Там же. С. 16.

³⁶ Не случайно автором несколько раз употребляется слово «возможность» (развития, функционирования). Там же. С. 16, 32.

³⁷ Гуревич А.Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 118-129; Штаерман Е.М. К проблеме структурного анализа в истории // Вопросы истории. 1968. № 6. С. 20-37.

³⁸ Штаерман Е.М. К проблеме структурного анализа в истории. С. 21.

³⁹ Там же. С. 22.

⁴⁰ Там же. С. 28.

⁴¹ Там же. С. 29 и сл.

⁴² «Понятие формации представляет собой наиболее общую абстракцию, прилагаемую к исторической действительности». Гуревич А.Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад. С. 118.

⁴³ «История подменяется логикой». Там же. С. 119.

⁴⁴ Там же. С. 120.

⁴⁵ Там же. С. 121-122.

⁴⁶ «Ни рабство в любой его форме, ни феодальная зависимость ... не являлись такими системами производственных отношений, которые были бы способны подчинить себе массу непосредственных производителей и повсеместно коренным образом преобразовать и унифицировать отношения собственности и производства». Там же. С. 126.

⁴⁷ Там же. С. 124-125.

⁴⁸ Там же. С. 121.

⁴⁹ Там же. С. 127.

⁵⁰ Если разобраться, это уже упрёк самому Марксу.

⁵¹ Там же. С. 129.

⁵² Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. Законы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса. Под ред. Л.В. Даниловой и др. М., 1968.

⁵³ Нуждается в коррекции и тезис Гуревича о «походе» Данилова против «структуралистов». В самой статье Данилов ни разу не называет критикуемых им советских историков структуралистами.

⁵⁴ Данилов А.И. Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков // Средние века. Вып. VI. М., 1955. С. 297-323.

⁵⁵ Гуревич А.Я. Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой. С. 782.

⁵⁶ Л.Т. Мильская подчёркивает, что появление статьи не было личной инициативой Данилова: он написал её «под сильным нажимом». Мильская Л.Т. Воспоминания Е.В. Гутновой и их достоверность. С. 399.

⁵⁷ Он же. «Путь прямой, как Невский проспект», или Исповедь историка. С. 465.

⁵⁸ Многие понимают, что это, как минимум, преувеличение, но обаяние личности Гуревича играет свою роль. См. Уваров П.Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации // НЛО. 2006. № 81. В. Рыжковский полагает, что точку зрения Уварова на историю противостояний в советской послесталинской медиевистике можно отнести к «компромиссной» (то есть, примерно посередине между Гуревичем и Мильской). На наш взгляд, статья Уварова – компромисс формальный, компромисс во имя Гуревича. Об этом лучше свидетельствует опубликованный в интернете (и, судя по стилю, более ранний) вариант статьи: Уваров П.Ю. А.Я. Гуревич и советская медиевистика. Портрет на фоне корпорации // <http://www.rsuh.ru/article.html?id=55168>. См. т.ж. Рыжковский В. Советская медиевистика and beyond (к истории одной дискуссии). С. 59.

⁵⁹ Безусловно, здесь есть связь с риторикой Вышинского. Только вряд ли корректно говорить, что речи Вышинского породили стиль советской критики (в том числе в сфере науки); скорее, они сами были следствием той общей атмосферы «борьбы за идеологию», которая возникала начиная с 20-х гг.

⁶⁰ При том, естественно, не понимая его истинной сущности. Данилов А.И. Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков. С. 298 и сл.

⁶¹ Вот как это выражено у Данилова: «Буржуазные историки в России открыто и с большим рвением низкопоклонствуют перед модными теориями реакционной историографии Запада, с жадностью ловят каждое её так называемое «последнее слово». Там же. С. 307. От таких словечек как «теорийки» Данилов позже избавился.

⁶² У Данилова: «неправильные методологические позиции, занимаемые им по вопросу о классах и государстве, сделали для него невозможным раскрытие подлинной классово-природы...». Там же. С. 305. Обратите внимание: методологические позиции могут быть *неправильными*.

⁶³ Там же. С. 301.

⁶⁴ Там же. С. 317-319.

⁶⁵ Там же. С. 301, 305, 306, 317, 321, 323. Как отмечает по поводу этой статьи Л.Т. Мильская: «многие пассажи из неё, которые в те времена воспринимались как грозные критические замечания, теперь смело могут рассматриваться как комплименты Д.М. Петрушевскому...». Мильская Л.Т. Заметки на полях (по поводу статьи А.Я. Гуревича «Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 362-393) // Средние века. М., 2004. Вып. 65. С. 222. Мы можем высказать также ещё одну версию, построенную на интересной аналогии. Дело в том, что все замечания Данилова совпадают с критикой Петрушевского во время обсуждения книги последнего «Очерки из экономической истории средневековой Европы» на заседаниях социологической секции Общества историков-марксистов в марте и апреле 1928 г. А.И. Неусыхин не только присутствовал на этих заседаниях, но и отчаянно защищал учителя. Вполне вероятно, что это он указал Данилову на стенограмму заседаний: см. Диспут о книге Д.М. Петрушевского (О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке) // Историк-марксист. 1928. Вып. 8. С. 79-128.

⁶⁶ См., напр. Данилов А.И. Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского... С. 300, прим. 3. В своей рецензии на сборник А.Я. Гуревич постарался защитить Петрушевского хотя бы тем, что указал: именно от него восприняли советские медиевисты (и сам А.И. Данилов) «технику конкретно-исторического исследования». Гуревич А.Я. Рец.: «Средние века». Сборники. Академия наук СССР. Институт истории. Вып. V. 1954. 412 стр. Тираж 5000. Цена 21 руб.; вып. VI. 1955. 488 стр. Тираж 5000. Цена 25 руб. 75 коп. Изд-во АН СССР. М. // Вопросы истории. 1956. № 1. С. 177.

⁶⁷ В сборнике «Проблемы истории докапиталистических обществ» авторы часто заменяют словосочетание «буржуазная историография» вариантами «немарксистская мысль», «зарубежная литература», «западные специалисты». Хотя это и сочетается с прежним словоупотреблением, но изменение стилистики заметное. См. Проблемы исто-

рии докапиталистических обществ. Кн. 1. Законы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса. С. 18, С. 55, прим. 54, С. 639.

⁶⁸ Трудно согласиться с Л.Т. Мильской в том, что в основе статьи в «Коммунисте» лежало чувство обиды за недостаточный научный пиетет Гуревича к их общему с Даниловым учителю А.И. Неусыхину. Во-первых, как мы пытаемся показать, статья была направлена не против одного Гуревича, во-вторых, обида за Неусыхина (которая, бесспорно, присутствовала) проявляется в статье только однажды, по сути, в её эпилоге, когда основные претензии уже высказаны. См. Мильская Л.Т. Заметки на полях... С. 222.

⁶⁹ Данилов А.И. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1969. Вып. 5. С. 227-245. Например, Гуревич, упоминая об этой ранней статье, более ни разу на неё не ссылается; это делает весьма вероятным предположение, что он ознакомился с ней в лучшем случае единожды. Статью в «Коммунисте» он, без сомнения, перечитал не раз.

⁷⁰ Данилов А.И. К вопросу о методологии исторической науки. С. 70, 78.

⁷¹ Он же. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков. С. 229.

⁷² Он же. К вопросу о методологии исторической науки. С. 73.

⁷³ Там же. С. 79.

⁷⁴ Там же. С. 69. В первом варианте пояснено яснее: различие между марксистской и буржуазной методологией принципиальное, а не терминологическое. Он же. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков. С. 233.

⁷⁵ Он же. К вопросу о методологии исторической науки. С. 75 и сл., где Данилов показывает несостоятельность этих ссылок.

⁷⁶ Там же. С. 80.

⁷⁷ Там же. С. 77, ср. Он же. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков. С. 234.

⁷⁸ Он же. К вопросу о методологии исторической науки. С. 72.

⁷⁹ Например, как ещё можно комментировать мнение Е.М. Штаерман о победе в римской культуре индивидуального типа связей над коллективным в период Империи? Оно высказано, но не доказано: не подтверждено ссылками на источники, методологически не выверено (как

должны проявлять себя каждый из типов связей, как определять степень преобладания одного над другим), но на нём построена целая цепочка рассуждений и выводов. Это и есть схематизм.

⁸⁰ Гуревич А.Я. «Путь прямой, как Невский проспект», или Исповедь историка. С. 466, 481.

⁸¹ Е.В. Ляпустина замечает: «Сама по себе статья (на взгляд сегодняшнего читателя) не выглядит просто грубым начальственным окриком...» (Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века. С. 293, прим. 8), но, конечно, её публикация именно в «Коммунисте» была серьёзным намёком. Ранний вариант, вышедший в малодоступных томских «Методологических и историографических вопросах исторической науки», очевидно, казался Данилову недостаточным рычагом воздействия. Что касается «взгляда сегодняшнего читателя», то он, без подкрепления методикой анализа текста, к сожалению, не может служить инструментом познания.

⁸² Гуревич А.Я. История историка. С. 140.

⁸³ Там же. С. 102-104.

⁸⁴ «Только слепцы или фальсификаторы могут приписывать фатализм революционной философии, впервые развязавшей неисчерпаемую инициативу широчайших масс народа и направляющей её на борьбу за освобождение от эксплуатации, за построение общества нового типа. ... Противники марксизма-ленинизма не желают видеть того, что учение о формациях не априорная схема, а результат философского анализа действительного хода истории». Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории. С. 23. Если разница между Гуревичем и Даниловым лишь в том, что один подобное писал искренне, а другой – нет, как же нам быть с повестью о героях и злодеях?!

⁸⁵ См.: Данилов А.И. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков. С. 228.

⁸⁶ См.: «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» (последнее интервью А.Я. Гуревича, 11 июня 2006 года). С. 180.